

УДК 94(3)

DOI: 10.25688/2076-9105.2019.35.3.07

Т. А. Шеркова

Сакральная архитектура додинастического и раннединастического Египта

Статья посвящена изучению сакральных объектов додинастического и раннединастического Египта в аспектах социокультурной жизни Египта. К их числу относятся святилища и храмы богов, погребения вождей и царей. Специальный интерес представляют святилища на лодках, связанные с мифологическими представлениями и ритуалами.

Ключевые слова: святилище; храм; дворец; элитарные погребения; святилище на лодках; миф и ритуал.

Процесс сложения Раннего государства в Египте был длительным, включая этапы постпотестарных вожеств, племенных союзов и завоеваний на протяжении додинастического и раннединастического времени. Собираение египетских земель имело вектор с юга на север, вдоль Нила, когда в IV тысячелетии до н. э. в Южном Египте распространилась культура Нагада, в то время как в Северном Египте существовал Буто-Маадийский культурный комплекс. Это движение культуры Нагада началось еще на первой, амратской фазе, а к концу додинастического и рубежу протодинастического и раннединастического времени Буто-Маадийский культурный комплекс Низовья был ассимилирован культурой Нагада, хотя окончательное завоевание Дельты произошло позднее, при II династии.

Прототипом Раннего государства было крупное локально-территориальное образование Нехен (греч. — Иераконполь, совр. — Телль-эль-Ахмар), к которому присоединилось не менее мощное вожество в Абидосе, куда сместился политический центр при двух первых династиях. Тем не менее Иераконполь

оставался важнейшим религиозным центром Египта, ибо здесь существовал культ обожествленного вождя-первопредка Хора в образе сокола, к которому восходили цари Египта, добавляя свои имена к имени Хора в пяти великих именах правящих фараонов. Это каноническое царское имя, стоящее на первом месте в царской титулатуре, выписывалось в знаке *srh* (рис. 1), символизирующем фасад сакрального сооружения, — храма или дворца, на котором восседал сокол. Исключением является увенчанное фигуркой сокола изображение знака *srh*, в которое не вписано имя царя. Возможно, это и есть первое изображение имени Хора — легендарного обожествленного предка Хора-сокола (хранится в Метрополитен-музее).

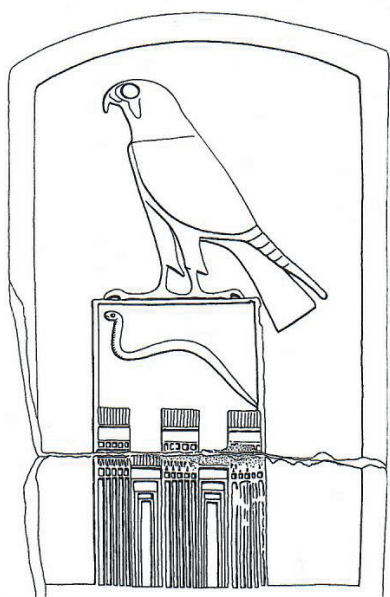

Рис. 1. Имя Хора-Джета.

I династия (Kemp B. J. *Ancient Egypt. Anatomy of Civilization*. L., 1991, fig 10, p. 38)

Фасад сооружения (*palas-fasade*) представлял собой нишевидную стену, и такие изображения известны по многочисленным раннединастическим изобразительным и археологическим памятникам. Этот архитектурный стиль был связан с царским дворцом и являлся символом царской власти [20: p. 55]. Но каковы истоки этой архитектуры? Они восходят к традиции легких построек, сооруженных из переплетенных веток, дерева и тростниковых циновок в виде круга (шара), округлой формы в раннединастическое время и в виде прямоугольника, параллелепипеда в период Нагада II. С развитием социальной иерархии и возвышением аристократических родов, от которых происходили вожди и цари первых династий, произошли существенные трансформации. Связанные с царской властью архитектурные сооружения возводили из необожженного кирпича и камня, которые украшали, имитируя орнамент на плетеных циновках.

Нишевидные стены (подобные конструкциям с контрфорсами для большей их устойчивости) возводили на царских объектах — дворцах, наземных (мастабах) и подземных помещениях (в погребальных камерах) гробниц, а также применяли при возведении обводных стен святилищ и храмов. Достаточно обратиться к материалам раскопок царских некрополей в Нагаде, Абидосе (Умм эль-Кааб), чтобы увидеть устойчивость этой традиции. Дворцы и храмы оформляли таким образом, что глубина ниш была небольшой, в то время как стены погребений и окружающие святилища были значительно толще. Наиболее ранняя нишевидная стена происходит из некрополя в Умм эль-Каабе близ Абидоса, датированная Нагадой IIIA1, ок. 3200 г. до н. э. [13: p. 99]. Нишевид-

ной стеной обнесен хрестоматийно известный погребальный комплекс царя III династии Джосера в Саккаре. В символическом аспекте обводные стены дворцов и храмов наделялись защитной функцией, поскольку они обособляли священную личность владыки.

Ядром додинастического города в Иераконполе был церемониальный центр, существовавший на протяжении нескольких фаз культуры Нагада, от фаз IIb–IIId до фазы III протодинастического времени (ок. 3300–3200 гг. до н. э.)¹ и даже в начале Раннего царства. Здесь проводили ритуалы, посвященные культу правителей, центральным моментом которых было жертвоприношение животных. Это святилище было сооружено в честь бога Хора, земным воплощением которого считался царь. Позднее было построено другое святилище Хора, ближе к Нилу, где отправлялся царский культ начиная с I династии, просуществовавшее до Среднего царства включительно. Отсюда происходят ритуальные предметы, самыми известными из которых является палетка царя I династии Нармера, его булава, как и булава царя Скорпиона, покрытая рельефными сюжетными изображениями. Эти и другие многочисленные votivные предметы I династии находились в тайниках, относящихся к более поздним строительным горизонтам храма².

Одним из существенных факторов двуединства Египта является пара древнейших святилищ. В Низовье это было сакральное сооружение *pr-nsr* , а в Верхнем Египте оно имело иное название и форму — *pr-wr* [11: р. 494, Sect. O 19, 20]. Визуально нельзя не отметить различия между ними. Если *pr-nsr* представляло собой сооружение со сферической крышей, возвышавшейся над прямоугольной конструкцией, то *pr-wr* напоминает шалаш, опирающийся одной стороной на высокий столб. Однако дело обстоит гораздо сложнее. Многочисленные изображения раннединастического времени, происходящие от памятников Верхнего Египта, представляли собой легкую постройку из деревянных планок и тростниковых циновок в виде животного, которого, вслед за Ф. Питри, египтологи идентифицируют как шакала. Такие воплощения на цилиндрических печатях, деревянных и изготовленных из кости табличках не уникальны.

На печатях из Абидоса изображены святилища в форме условного воплощения шакала [22: pl. XVI, р. 114–117; pl. L]. В древнейшем абидосском храме (А) был найден фрагмент сосуда с процарапанным изображением шакала,

¹ Раскопки последних лет показали, что святилище было еще большим. На смежном участке (НК25) были обнаружены следы колонного зала размером 20 × 8 м, датированного Нагадой IIC–D. Ниже был раскопан еще один строительный горизонт. В слое чистого песка найдены предметы времени Нагада IA [18: р. 1, 13–15, 24].

² Подобные тайники, или депозиты, с раннединастическими изделиями найдены в храмах Иераконполя, Абидоса, Элефантины и Телль Ибрагим Авада в более поздних строительных горизонтах. Подробно, со ссылками на литературу см.: [3]. Такие депозиты, сооруженные под новыми зданиями храмов, считаются одним из видов жертвоприношения [1: с. 26–27].

которого Ф. Питри, проводивший раскопки храма, идентифицировал как бога Хентиментиу-Упуаута [22: р. 29]. Это граффити на предмете ритуальной утвари маркирует культовую принадлежность раннего храма в Абидосе. Храм был посвящен богу Хентиментиу — «(тот, кто) во главе западных» (Pug, Utt. 412, § 727; Utt. 483, § 1015), который слился с Упуаутом («открыватель путей»), также воплощавшемся в образе шакала. На ритуальных предметах прото-, раннединастического времени в сценах победоносных шествий вождя/царя изображали шакала и сокола, увенчивающих штандарты. В контексте собирания территорий Египта, исходящего из южных районов, Иераконполя и Абидоса, такое сочетание вполне уместно. В религиозно-мифологическом осмыслении исторических фактов в Мемфисском трактате Хор наделен эпитетами Упуаута: «шакал Верхнего Египта» и «открыватель путей» [21: р. 56, note 4].

Р. Фридман полагает, что при I династии форма древнего святилища Южного Египта значительно изменилась [8: 33 fig. 13] (рис. 2) и различия между нижнеегипетским и южноегипетским сакральными строениями ограничивались деталями. Их фасады с четырьмя изящными колоннами поддерживали сферические крыши. Изначально сооружения были деревянными, а пространства между колоннами, включая вход, закрывали циновками. В церемониальном центре Иераконполя (участок НК29А) основное храмовое строение было каменным и достигало значительных размеров (согласно реконструкции — 20 м в длину при высоте колонн более 11 м).

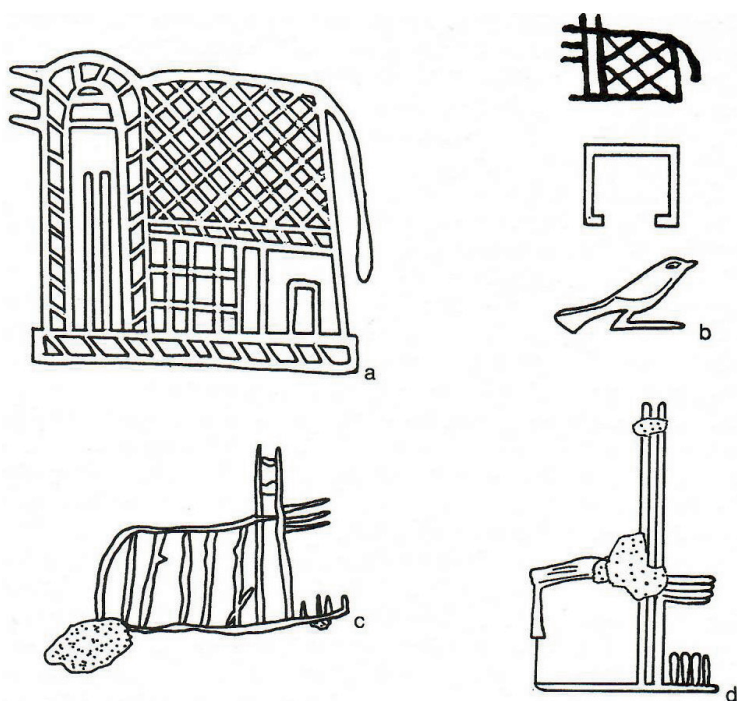

Рис. 2. Трансформация святилища *pr-wr* (Friedman R. The Ceremonial Centre at Hierakonpolis. Locality HK29A // Aspects of Early Egypt. L., 1996, fig. 13).

Р. Фридман считает, что именно это святилище изображено на ритуальной булаве царя I династии Нармера, где он восседает на троне, к которому ведут ступени (рис. 3). Проводится какая-то церемония. Перед владыкой изображены крытые носилки с сидящей фигурой, пол которой неясен. Возможно, это сцена брака Нармера. Вместе с тем позади носилок изображены три мужские фигуры, заключенные между знаками в виде полумесяца — *dnbw*, по три в вертикальном направлении, которые изображали в сценах ритуального бега царя во время царского праздника *sd*. Далее справа изображено святилище Нижнего Египта с цаплей на сферической крыше и с символикой нижеегипетской богини Нейт. Под святилищем представлены травоядные жертвенные животные, окруженные стеной.

Рис. 3. Развертка булавы Нармера (Friedman R. The Ceremonial Centre at Hierakonpolis. Locality HK29A // Aspects of Early Egypt. L., 1996, fig. 12).

Вопрос о том, почему на булаве Нармера, где изображены ритуалы, происходящие в Иерконполе, представлен храм Низовья, может, как представляется, иметь следующее объяснение. В честь праздника, посвященного царю всего Египта Нармеру, жрецы из святилища богини Нейт прибыли на торжества, привезя с собой животных, которых принесли в жертву, что являлось важнейшим элементом ритуалов. В этой связи вспомним еще одну композицию, где также изображен нижеегипетский храм с символом богини Низовья Нейт. Это деревянная табличка царя I династии Хора-Аха, происходящая из его погребения в абидосском царском некрополе (рис. 4). Здесь также изображено святилище Нейт и приготовленный для жертвоприношения бык. Регистром ниже плывет череда лодок, на которых находятся небольшие постройки, — пара кабинок, представленных в серии расписной керамики типа D с плывущими лодками, относящейся к периоду Нагада II.

Рис. 4. Деревянная табличка царя Хора-Аха (A. J. Spencer. Early Egypt. The Rise of Civilisation in the Nile Valle. L., 1993, p. 65, fig. 44).

Редкие изображения лодок и сооружений в виде пары кабинок на них относятся еще к этапу Нагада I (тип C) [24: p. 174, fig. 1], однако лишь в период Нагада II на расписных сосудах типа D с лодками представлены композиции, включающие в себя архитектурные элементы. Так, вокруг горлышка сосуда нанесен орнамент в виде ритмически чередующихся прямоугольников, с сетчатым орнаментом и без него. Эта роспись имитирует фасад и вход в святилище на овальном дворе, окруженном стеной в Иераконполе [12: p. 440–441, fig. 4].

Однако основной сюжетный декор покрывает тулово сосуда и представляет собой ритуализированный миф, где плывут лодки с кабинками, сооруженными из легких материалов. Что же может связывать архитектурный декор и сцены на воде? Пара симметричных кабинок занимает центральную часть пространства внутри лодок, между ними иногда схематично изображен мостик (или пол, поэтому это могла быть единая постройка); над одной кабинкой возвышаются штандарты с символами номовых богов в виде животных или геометрических фигур, их символизирующих. Главными композиционными элементами являются женские, реже мужские персонажи [6: p. 174–175]. Следует отметить, что среди известных сосудов типа D практически невозможно найти даже пару абсолютно тождественных по рисунку (см., например, [15: p. 31–45]. Тем не менее в сценах представлены несколько мотивов. Основными персонажами являются стилизованные женские танцующие фигурки с дуговидно поднятыми руками, имитирующими рога коровы. Это сочетание характерно для женских статуэток периода Нагада II. К тому же на некоторых экземплярах вместо человеческого лица изображена птичья мордочка [6: p. 179].

Среди женских фигурок по размерам превалирует одна. Этот феминный образ восходит к первобытному образу Великой Матери, который, видоизменяясь, существовал в додинастическое время и стал прообразом великих богинь Древнего Египта с символикой коровы: Бат, Нут, Исида, Хатхор и др. Ее женские, материнские, функции кормления, родов, защиты, а также иконография, в том числе в синкретическом образе женщины с элементами птицы, змеи и коровы (голова, рога и уши которой увенчаны звездами), указывают на многоаспектность феминного образа (будущей небесной Нут).

Собственно говоря, сосуд — это предмет, непосредственно связанный с феминным образом как ее символический синоним (тело-сосуд) и водная стихия (лоно-вместилище). Дающий жизнь женский персонаж с символикой коровы в додинастический период играл доминирующую роль в картине мира как божество космическое, поэтому, как представляется, на сосудах с лодками запечатлена мифологическая картина мира, связанная с феминным началом, играющим роль в становлении солярных представлений в образе быка, в честь которого происходили ритуальные танцы [4: с. 52–53].

Водное пространство, в котором происходят действия, ассоциировано с женским началом. Поэтому столь убедительными являются факты и выводы о причастности богини-коровы к ежегодным сезонным подъемам Нила, когда в Египте наступал новый год, к встрече которого приготавливали большое количество пива. Этот праздник, в письменный период посвященный богине Хатхор, существовал уже в период Нагада II–III. Для данной статьи интерес представляет тот факт, что во время церемонии жрецы выносили статую богини во двор посвященного ей храма в Дендере и устанавливали ее на киоск-святилище [17: р. 297]. Из этого следует, что киоск представлял собой храмовое сооружение, прототипы которого восходят к додинастическому/раннединастическому времени. И композиции на расписных сосудах типа D связаны с мифологическими представлениями, отраженными в ритуальной практике.

Известны и другие интерпретации, согласно которым женские фигурки, чьи воплощения комбинируют женский образ, черты коровы и птицы на расписной керамике D, причастны к погребальному обряду и обновлению. Лодки должны рассматриваться как погребальные и/или суда богов, в то время как женские фигурки, представленные над/на них, символизируют жизнь [14: р. 76–77]. Разумеется, образ богини (как и других божеств) был амбивалентным. Одним из ее символических синонимов была могила (как лоно), в которой умерший возрождается.

Однако сцены на сосудах типа D с лодками и святилищами на них, на наш взгляд, имеют совершенно иной смысл. Мотивы танцев и иерогамии указывают на представления о плодородии и плодовитости. Рядом с богиней находится мужской персонаж. Они стоят в сооружении под балдахином над кабинкой (рис. 5), которую можно интерпретировать как святилище, построенное из легких материалов. Что это, если не священный брак, символизирующий процветание

социума, символизированное межгендерным союзом богини-коровы, возможно, с социальным лидером? Мотив плодородия усилен итифаллическими фигурками, изображенными на ряде сосудов, а также включением в композиции пышной растительности, копытных животных и водных птиц. Это мотив целостности мира, единства мира богов и людей, отраженный в ритуалах и ритуальных предметах, к числу которых относятся расписные сосуды типа D с лодками.

Рис. 5. Сцена иерогамии на сосуде типа D (Шеркова Т. А. Модель мира Древнего Египта. М.: Rosetta stone, 2018, рис. 4).

Сцена с плывущими лодками и постройками на них представлена на полихромном панно из крупного погребения № 100 (5,85 × 2,85), стены которого сложены из сырцового кирпича. Раскопано оно в 1898–1899 годах Ф. В. Грином в могильнике НК30G Иераконполя [23: р. 20–22, р. l. LXXV–LXXIX] (рис. 6). Панно длиной около 5 м нанесено на штукатурку, окрашенную желтовато-кремовым цветом, сходным с мергелистыми глинами, из которых изготавливали расписные горшки типа D. Как и на сосудах, здесь изображены плывущие лодки с легкими сооружениями на них, однако в композицию включены иные сцены и образы, связанные со сражениями и охотой. И хотя скелета в погребальной камере не обнаружено, судя по размерам и тщательному приготовлению

могилы с использованием сырцового кирпича, совершенно ясно, что погребение принадлежало социально значимой персоне, вождю или царской особе Иераконполя. Следовательно, в целом речь может идти об описании изобразительными средствами жизненного пути социального лидера, связанного с его победами. До недавнего времени это погребение считалось самой ранней из элитарных могил, датированной фазой Нагада IIС (ок. 3500 г. до н. э.).

Рис. 6. Панно из гробницы № 100 в Иераконполе (Egypt. The World of the Pharaohs. Köln, 1998, fig. 26).

Однако в последние годы в результате широкомасштабных раскопок в Иераконполе были обнаружены некрополи для социальной элиты предшествующего периода — Нагада IIВ (на 200 лет раньше гробницы № 100), и среди крупных погребений выделяется целый погребальный комплекс (№ 23, НК6), в центре которого находилась могила правителя Иераконполя, окруженная погребениями животных: слона, собак, кошки, гиппопотама, обезьян, крокодила. Погребение вождя/царя имело наземную конструкцию, крыша которой опиралась на деревянные столбы, по четыре с каждой из двух противолежащих сторон. В нескольких метрах от погребения находилась заупокойная часовня, окруженная оградкой со следами красной краски [10: р. 41].

Наземная погребальная архитектура культуры Нагада II имела много общего с храмовыми строениями, в частности с рассмотренными выше, раскопанными в последние годы новыми участками церемониального центра Иераконполя. Это стоящие в два ряда столбы, между которыми проходил коридор. Строение покрывали плоской крышей из легких материалов, как и промежутки между столбами [10: р. 43–44, fig. 2.21]. Такая же комбинированная конструкция из дерева и легких материалов применялась при строительстве святилищ, что было унаследовано от неолитических хижин. По периметру круглых и по сторонам прямоугольных домов устанавливались бревна, как и в центре, внутри них. Крыша и стены покрывались легкими материалами. Впоследствии, в период Нагада II, для возведения святилищ, покоев вождей/царей, их погребений использовали сырцовый кирпич и дерево, камень. Однако на лодках устанавливали киоски, имеющие сакральное значение, сооруженные из легких материалов, что вполне понятно с точки зрения их веса.

Трактовки изображений на панно из погребения № 100, основательно отличающихся от нанесенных на сосуды типа D, представлены в многочисленных статьях. В рамках данной статьи мы должны ограничиться интерпретацией мотивов, непосредственно связанных со святилищами на лодках. Из шести лодок серповидной формы, какие представлены на расписной керамике типа D, лишь одна, окрашенная черной краской, отличается по наличию высокого носа. Однако если сопоставить ее с изображениями на расписной керамике типа D, то, как представляется, различия коснутся одной детали. На керамике нос увенчан высокой пышной веткой растения, а на панно он стилизован. В контексте нахождения панно в могиле, эта лодка предназначена для плаванья в мир иной. В качестве наследия додинастической и раннединастической традиции этот способ перехода в страну мертвых сохранился в фараоновское время. Об этом свидетельствуют Тексты Пирамид, в которых говорится о переправе царя в загробный мир на лодке (Pyr. Utt. 270, § 383–385) или на крыле птицы (Pyr. Utt. 270, § 387). По мнению М. Лихтхейм, переправа совершалась по воде, разделяющей небо и землю [21: р. 35, note 1]. Многочисленные воплощения лодок, на которых перевозили умершего царя на западный берег Нила, где находились пирамиды, а также захоронение погребальных кораблей

возле них (например, у пирамиды царя IV династии Хеопса), свидетельствуют об органической преемственности этой традиции.

На черной лодке панно установлен один киоск-святилище, перед которым сидит человек. Другой объект с овальной крышей и горизонтальной платформой предназначен для тела умершего [5: р. 40, fig. 44e]. Иконографически эта лодка близка к одному из петрографических изображений из окрестностей Ком-Омбо, расположенного напротив Иераконполя, на восточном берегу Нила. Это судно находилось среди других изображений серповидных лодок с кабинками, одна из которых была со сферической крышей. Эти рисунки датируются также периодом Нагада IIС (?) [19: р. 94, fig. 1].

На другой лодке на панно с парой святилищ воплощена важнейшая часть обряда, связанного с персоной, занимающей самое высокое положение в социальной иерархии, вождем или царем Иераконполя. На правой кабинке возвышается наос, в котором совершается ритуальный бег во время царского праздника *sd* (рис. 7). Истоки его восходят к эпохе сложения вождеств, когда авторитет социального лидера подтверждал легитимность своего правления [2: с. 79].

Рис. 7. Фрагмент панно (Egypt. The World of the Pharaohs. Köln, 1998, fig. 25).

Эти два важнейших события в жизни не только правителя, но и всего социума проходили как ритуалы перехода: прижизненное возобновление функций вождя/царя и уход его в иной мир. И оба ритуала изображены на панно в могиле в контексте многих образов и действий, имеющих символический характер. Сложная композиция панно — это своего рода биография анонимного иераконпольского вождя, или царя, оформленная в стиле, присущем мифологическому сознанию.

Наскальные рисунки с лодками и святилищами на них, относящиеся к раннединастическому времени, обнаружены на значительной территории,

от Ком-Омбо до Асуана. К числу наиболее поздних наскальных изображений относятся изученные в Наг эль Хамдулаб близ Асуана, которые датируются временем правления царя Скорпиона и Нармера (3200–3100 гг. до н. э.). Лодки с парой святилищ на них, которые являются основными изображениями в сценах победы лидера над противником, символизируют силу и могущество царя [16: р. 1071–1075, fig. 2, 8]. В современной египтологии все чаще высказывается точка зрения о метафорическом значении лодок. Лодки символизируют социум, объединенный лидером, а говоря шире, победу космического порядка над хаосом [24: р. 174–180].

Много позднее многочисленные деревянные модели Древнего царства, хранящиеся в Каирском музее, воплотили эту часть погребального ритуала — переправу умершего царя на запад, который отождествлялся с миром мертвых.

Итак, мотив плывущих лодок с сакральными постройками-святилищами на них многоаспектен. Водное пространство играло особую роль как в контексте мифологических представлений, так и в ритуальной практике. Проанализированные археологические объекты, расписные сосуды типа D, панно из гробницы № 100, наскальные изображения относятся к длительному времени, от Нагада I–II до прото-, раннединастического этапа культуры Нагада II–III. С культурно-исторической точки зрения этот период означал переход к Раннему царству и сложение его, что, разумеется, отражалось в искусстве, неотделимом от религиозно-мифологических представлений. Однако в разных контекстах мы видим мифологическую основу, отраженную в ритуалах, регламентирующих жизнь общества, стоящего на пороге становления первого государства и на ранних его этапах.

Сакральные постройки маркировали центр организованного пространства, символизируя место творения мира. Сама священная архитектура является моделью мироздания. Это центр организованного пространства, космос, противостоящий хаосу, который отодвигается все дальше на периферию.

И святилище, и храм, и погребальный комплекс социального лидера являлись местом проведения ритуалов, которые всегда направлены на разрешение каких-то важных для социума ситуаций, на восстановление порядка, в чем проявлялась творческая функция ритуала, соотносимого с первым днем миротворения. Именно поэтому священное связано с ритуалами.

Особую роль играло водное пространство в представлениях древних египтян. Это образ космический, ибо небесная сфера представляла собой водное пространство, связанное с женским началом, — Великой Матерью, персонафицированной богиней Нут в облики женщины-коровы, а равно и Нил, причастный к началу мускуливному, производящему, ассоциированному с образом Осириса. Как и мотив плавания лодок со святилищами-кабинками, эти представления соотносятся с древнейшим мифом о поднявшемся из вод светящемся холме. В Текстах Пирамид приветствуется солнечный бог, который поднялся в имени его холм (ТП § 1587a-d). Буквальное прочтение этого

пассажа актуализирует выход из космических вод первобытного сияющего холма. Этот центр мироздания символизирован сакральным сооружением додинастического и раннединастического времени, возведенным на высокой насыпи святилища, как в религиозном центре Иераконполя.

Литература

1. Линч А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.
2. Матье М. Э. Хеб-сед (из истории древнеегипетской религии) // Избранные труды по мифологии и идеологии Древнего Египта. М.: Восточная литература, 1996. С. 71–91.
3. Древнеегипетский храм в Телль Ибрагим Аваде: раскопки и открытия в Дельте Нила. М.: Алетея, 2002. 188 с.
4. Шеркова Т. А. Модель мира древнего Египта. М.: Rosetta stone, 2018. 240 с.
5. Adams B., Cialowicz K. M. Protodynastic Egypt. L.: Shire Publications LTD, 1988. 71 p.
6. Catalog of objects // Before the Pyramids. The origins of Egyptian civilization. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago Publications, 2011. Vol. 33. P. 159–221.
7. Friedman R. The cemeteries of Hierakonpolis // Archeonil, 2008 P. 20–29.
8. Friedman R. The Ceremonial Centre at Hierakonpolis. Locality HK29A // Aspects of Early Egypt. L., 1996. P. 16–35.
9. Friedman R. The early cemetery at Hierakonpolis: an overview // Recent discoveries and latest researches in egyptology // The Proceedings of the first Neapolitan congress of Egyptology. Archaeopress publishing LTD. Oxford, 2010. P. 67–86.
10. Friedman R. Hierakonpolis // Before the pyramids: the origins of Egyptian civilization. Chicago: Oriental institute museum publication, 2011. Vol. 33. P. 33–44.
11. Gardiner A. Egyptian grammar. L.: Oxford university press, 1950. XVI, 646 p.
12. Graff G., Eyckermann M., Hendrickx S. Architecture elements on decorated pottery and the ritual presentation of the desert animal // Egypt at its origins. Proceedings of the Third International Conference. London, 27th July – 1st August 2008. Leuven; Paris; Walpole; MA, 2011. P. 437–466.
13. Hendrickx S. Arguments for an Upper Egyptian origins of the palasee-fasade and the serech during late dynastic-early dynastic times // Göttinger Miszellen. 2001. Vol. 184. P. 85–110.
14. Hendrickx S. Iconography of the predynastic and early dynastic periods // Before the Pyramids Before the Pyramids: the origins of Egyptian civilization. P. 75–81.
15. Hendrickx S. Checklist of predynastic «Decorated» pottery with human figures // Cahiers Caribéens d’Egyptologie, 2002. N 04 ¾ février/mars. P. 29–50.
16. Hendrickx S., Darnell G. C., Gatto M. C. The earliest representations of royal power in Egypt: the rock drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan) // Antiquity: Antiquity Publications LTD, 2012. Vol. 86. P. 1068–108.
17. Jensen V. Predynastic precursors to the Festival of Drunkenness: beer, climate change, cow-goddess, and the ideology of kingship // Proceedings of the XI International Congress of Egyptologists. Florence Egyptian museum, 23–30 August 2015. Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2017. P. 296–307.
18. Hikade T. Origina of resent architecture at Hierakonpolis HK29B and HK25 // Egypt at its origins. The Third International Colloquium on Predynastic and Early Dynastic Egypt. The British Museum, London 27th July – 1 August 2008. L., 2011. P. 81–107.
19. Huyge D. The Painting Tomb, rock art and the recycling of Predynastic Egyptian imagery // Archeonil, 2014. N 24, janvier. P. 93–102.

20. *Kemp B.* Ancient Egypt: anatomy of a civilization. London-New York: Routledge, 2006. 437 p.
21. *Lighthelm M.* Ancient Egyptian Literature. V. I. L. Berkly; Los Angeles; London: University of California press, 1975. 245 p.
22. *Petrie F. W. M.* Abydos. Pt. II. L. The Egypt exploration fund, 1903. Vol. 37. 56 p.
23. Quibell J. E., Green F. W. Hierakonpolis II // Egypt Research Account, Vol. V. London: Bernard, 1902. 200
24. *Vanhulle D.* Boat symbolism in predynastic and early dynastic Egypt: an ethno-archaeological approach // Journal of ancient Egyptian interconnections. 2018. Vol. 17 (March). P 173–187.

Literatura

1. *Linch A.* Obryady perexoda. M.: Vostochnaya literatura, 2002. 198 s.
2. *Mat'e M. E'.* Xeb-sed (iz istorii drevneegipetskoj religii) // Izbrannye trudy po mi-fologii i ideologii Drevnego Egipta. M.: Vostochnaya literatura, 1996. S. 71–91.
3. Drevneegipetskij xram v Tell' Ibragim Avade: raskopki i otkrytiya v Del'te Nila. M.: Aleteya, 2002. 188 s.
4. *Sherkova T. A.* Model' mira drevnego Egipta. M.: Rosetta stone, 2018. 240 s.
5. *Adams B., Cialowicz K. M.* Protodynastic Egypt. L.: Shire Publications LTD, 1988. 71 p.
6. Catalog of objects // Before the Pyramids. The origins of Egyptian civilization. Chicago: Oriental Institute of the University of Chicago Publications, 2011. Vol. 33. P. 159–221.
7. *Friedman R.* The cemeteries of Hierakonpolis // Archeonil, 2008 P. 20–29.
8. *Friedman R.* The Ceremonial Centre at Hierakonpolis. Locality HK29A // Aspects of Early Egypt. L., 1996. P. 16–35.
9. *Friedman R.* The early cemetery at Hierakonpolis: an overview // Recent discoveries and latest researches in egyptology // The Proceedings of the first Neapolitan congress of Egyptology. Archaeopress publishing LTD. Oxford, 2010. P. 67–86.
10. *Friedman R.* Hierakonpolis // Before the pyramids: the origins of Egyptian civilization. Chicago: Oriental institute museum publication, 2011. Vol. 33. P. 33–44.
11. *Gardiner A.* Egyptian grammar. L.: Oxford university press, 1950. XVI, 646 p.
12. *Graff G., Eyckermann M., Hendrickx S.* Architecture elements on decorated pottery and the ritual presentation of the desert animal // Egypt at its origins. Proceedings of the Third International Conference. London, 27th July – 1st August 2008. Leuven; Paris; Walpole; MA, 2011. P. 437–466.
13. *Hendrickx S.* Arguments for an Upper Egyptian origins of the palasee-fasade and the serech during late dynastic-early dynastic times // Göttinger Miszellen. 2001. Vol. 184. P. 85–110.
14. *Hendrickx S.* Iconography of the predynastic and early dynastic periods // Before the Pyramids Before the Pyramids: the origins of Egyptian civilization. P. 75–81.
15. *Hendrickx S.* Checklist of predynastic «Decorated» pottery with human figures // Cahiers Caribéens d'Egyptologie, 2002. N 04 ¾ février/mars. P. 29–50.
16. *Hendrickx S., Darnell G. C., Gatto M. C.* The earliest representations of royal power in Egypt: the rock drawings of Nag el-Hamdulab (Aswan) // Antiquity: Antiquity Publications LTD, 2012. Vol. 86. P. 1068–108.
17. *Jensen V.* Predynastic precursors to the Festival of Drunkenness: beer, climate change, cow-goddess, and the ideology of kingship // Proceedings of the XI International

Congress of Egyptologists. Florence Egyptian museum, 23–30 August 2015. Oxford: Archaeopress publishing LTD, 2017. P. 296–307.

18. *Hikade T.* Origina of resent architecture at Hierakonpolis HK29B and HK25 // Egypt at its origins. The Third International Colloquium on Predynastic and Early Dynastic Egypt. The British Museum, London 27th July – 1 August 2008. L., 2011. P. 81–107.

19. *Huyge D.* The Painting Tomb, rock art and the recycling of Predynastic Egyptian imagery // *Archeonil*, 2014. N 24, janvier. P. 93–102.

20. *Kemp B.* Ancient Egypt: anatomy of a civilization. London-New York: Routledge, 2006. 437 p.

21. *Lighthelm M.* Ancient Egyptian Literature. V. I. L. Berkly; Los Angeles; London: University of California press, 1975. 245 p.

22. *Petrie F. W. M.* *Abydos*. Pt. II. L. The Egypt exploration fund, 1903. Vol. 37. 56 p.

23. *Quibell J. E., Green F. W.* Hierakonpolis II // Egypt Research Account, Vol. V. London: Bernard, 1902. 200

24. *Vanhulle D.* Boat symbolism in predynastic and early dynastic Egypt: an ethno-archaeological approach // *Journal of ancient Egyptian interconnections*. 2018. Vol. 17 (March). P 173–187.

T. A. Sherkova

Sacral Architecture of Predynastic and Early Dynastic Egypt

The paper is devoted to the sacral object of predynastic and early dynastic Egypt in main aspects of social and cultural life of Egypt. They are sanctuaries, temples, tombs of chieftains and tsars. The motif of sanctuaries on boats is of special interest because of its connection with mythological ideas and rituals.

Keywords: sanctuary; temple; palace; elite tomb; sanctuaries on the boat; myth; ritual.